

носомъ о корабль и стала прекрасной Еленой царевной, стала царевна по кораблю ходить да приговаривать: „свѣтъ мои корабли оснащенные, свѣтъ мои сундуки окованные, собаки по логовищамъ спятъ, курицы по насѣдаламъ сидятъ, а моя-то разлучница спать со Зоріемъ со царевичемъ!“ подошла къ сторожамъ „что вы,“ говоритъ, „голубчики, запечалились?“ „Да вотъ сушили портянки да сожгли“. „Не печальтесь, я вамъ новыя дамъ“, отперла сундукъ, нарвала портянокъ, отдала сторожамъ и опять кинулась въ море, уплыла щукой. Вотъ сторожа опять сидятъ ночь, сидятъ другую, обмочили портянки, стали сушить на огошкѣ и сожгли, приплыла Елена царевна щукой, обернулась, нарвала сторожамъ портянокъ и опять уплыла. Дошелъ слухъ до Зорія до царевича. „Дай“, говоритъ, „самъ провѣрю“. Вотъ сидятъ ночь, сидятъ другую, вдругъ возмутилось море, приплыла щука, ударилась о корабль носомъ и стала прекрасная Елена царевна; взошла на корабль, стала ходить по кораблю да приговаривать: „свѣтъ мои корабли оснащенные, свѣтъ мои сундуки окованные, собаки по логовищамъ спятъ, курицы по насѣдаламъ сидятъ, моя-то разлучница одна спать, а Зорій-то царевичъ мое добро стережетъ“. Вотъ царевичъ услыхалъ это да за царевной и на корабль, а потомъ и взялъ ее замужъ, а прежнюю жену—дочь яги-бабы на воротахъ разстрѣляли.

Кадниковскій у. 1907 г.

33. Поповна Машенька и Иванъ царевичъ.

У попа и попадьи были три дочери. Старшіе были просужія, а младшая была Машенька дурочка. Попъ поѣхалъ въ городъ, эти сестреницы и наказываютъ по штофнику, а Машенька наказываетъ: „мнѣ привези сосенку“. Попъ уѣхалъ въ городъ, купилъ двумъ дочерямъ по штофнику, а Машенькѣ не можетъ найти сосенки, и пошелъ въ конецъ города и нашелъ сосенку, и привезъ двумъ по штофнику, а Машенькѣ сосенку и отдалъ. Машенька сосенку взяла и унесла въ сѣнникъ. Эти двѣ стали сряжаты къ церквѣ и говорятъ дурочкѣ: „пойдемъ, Машенька, къ церквѣ,“ а она и говоритъ: „не пойду , я лучше пойду погуляю“.

Тѣ ушли къ церквѣ, а Машенька пошла къ Ивану царскому сыну и украла платокъ. Иванъ царевичъ искалъ, искалъ, найти не могъ платка и говоритъ: „ты вѣдь, Машенька, взяла!“, она говоритъ: „нѣтъ,“ схватилъ и нашелъ въ пазухѣ; онъ взялъ да платкомъ-то и поколотилъ. Онъ пошелъ къ церквѣ, а она домой, пришла домой, не отцу, не матерѣ не сказала, прямо въ сѣнникъ въ сосенку, изъ сосенки вынула зайчика, къ зайчику въ ушко слазила, одѣлась и къ церквѣ поѣхала на зайчикѣ и пріѣхала; зайчика подъ церкву, а она въ церкву; пришла въ церкву, попъ обѣдню пересталъ служить, а народъ на нее смотритъ. Когда она пошла изъ церкви, то царскій сынъ нарочно къ дверямъ ушелъ и схватилъ ее за руку и снялъ перчатку и спрашиваетъ: „скажись, откуда да чья?“ Она и говоритъ: „что изъ того суда села, гдѣ платкомъ-то бьютъ и плакать не даютъ“. Онъ не могъ догадаться, она опять домой уѣхала и на печь улѣзла и вся замаралась. Пришли сестры домой и рассказали, какъ въ церквѣ было, и говорятъ: „пойдемъ и ты завтра къ церквѣ.“ Она говоритъ: „не пойду, кого тамъ не видала“. Онѣ до утра дожили, опять эти сестры къ церквѣ, а Машенька опять гулять къ Ивану царевичу, и тотъ сряжается къ церквѣ. Около его вилась да вилась, украла гребень, а онъ искалъ да искалъ, негдѣ нѣтъ, и говоритъ: „Машенька, у тебя опять?“ Она говоритъ: „нѣтъ у меня“. Онъ нашелъ у еѣ въ пазухѣ и опять поколотилъ и домой прогонилъ. Она убѣжала домой, ушла въ сѣнникъ къ сосенкѣ, выняла зайчика, въ ушко къ зайчику слазила, одѣлась и поѣхала къ церквѣ. Пріѣхала къ церквѣ, зайчика подъ церкву, а сама въ церкву; когда зашла, попъ обѣдню пересталъ служить, а царевичъ сталъ къ дверямъ. Когда обѣдню отслужили, она изъ церкви пошла, этотъ Иванъ схватилъ ее за платокъ и сдернулъ платокъ и спрашиваетъ: „скажи, откуда?“ Она говоритъ: „изъ того суда села, гдѣ гребнямъ-то бьютъ да и плакать не даютъ.“ Вышла изъ церкви; видѣли, какъ на зайчика садилась; не видѣли, куда покатилась. Пріѣхала домой, сразу опять въ сѣнникъ, до сестеръ-то опять вымаралась. Сестры пришли и говорятъ: „что какая-то была барышня, дура Машенька не ходила, сегодня еще лучше.“ На другой день эти сестры ушли къ церквѣ, а Машенька ушла опять къ Ивану царевичу.

вичу и украла мыло. Этотъ Иванъ сталъ умываться, не гдѣ не можетъ найти мыла и говорить: „Машенька, ты вѣдь взяла?“ Машенька и говоритъ: „ничего у меня нѣтъ“. Опять нашелъ въ пазухѣ, мыломъ поколотилъ и домой прогонилъ. Когда домой пришла, опять такимъ манеромъ вырядилась и поѣхала къ церквѣ. Когда пріѣхала, зайчика подѣ церкву, а сама въ церкву; какъ пришла, всѣ оглянулись на еѣ, и служить попу пересталъ. Когда обѣдня перешла, Иванушка всталъ ко дверямъ. Когда Машенька пошла изъ церкви, этотъ царевичъ и схватилъ ее за башмакъ да и снялъ и говоритъ: „скажись, откуда?“ Она говоритъ: „изъ того суда села, гдѣ мыломъ-то бьютъ и плакать не даютъ“. До сестеръ пріѣхала домой и разрядилась. Когда тѣ сестры пришли и говорятъ: „ой, Машенько, опять была та барышня,“ а Машенька и говоритъ: „я наплюну на дуру на запечную“. Этотъ Иванъ царевичъ и сталъ ходить по городу да спрашивать, что чей этотъ башмакъ, да перчатка, да платокъ; всѣхъ онъ ужъ обошелъ, не гдѣ не нашелъ и думаетъ, пойду къ попу; пришелъ къ попу и говоритъ сестреницамъ: „не ваше-ли?“ Онѣ и говорятъ: „нѣтъ; не нашо,“ а Машенька и говоритъ: „это мое“. Онѣ и говорятъ: „выдешь-ли за меня замужъ?“ Она говоритъ: „выйду“. Честнымъ пиркомъ да и за сваребку. Сестреницы говорятъ: „ничего мы не дадимъ выряду вѣнчаться“. Когда поѣхали, она взяла въ зайчика слазила и вырядилась, а на верхъ надѣла синее худое платье. Когда пріѣхала къ вѣнцу, худое платье сбросила, а эти сестреницы и думаютъ, гдѣ это она платье взяла, и надѣлали отравы. Она услышала, что онѣ уговариваются сдѣлать; когда пріѣхали отъ вѣнца и наказываютъ: „на хлибѣна поѣдите, не пейте, не ѣште“. Когда пріѣхали она и говоритъ: „выпустите курицъ!“ Когда выпустили курицъ, она взяла со стола соломату, высыпала курицамъ; какъ курицы наѣлись, всѣхъ и завернуло. Сказка вся—поцѣлуй гуся.